

3 кругозор 72

Дом,
где
проходил
съезд
РСДРП.

С. М. Киров

М. И. Калинин

Кремлевский
Дворец
съездов.
Работает
XXIV съезд
КПСС.

ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ

Сила класса, слава класса

Март 1898 и март 1971.
I съезд РСДРП. XXIV съезд КПСС...

9 делегатов от местных социал-демократических организаций в маленьком домике на окраине Минска. 4963 делегата, представляющих более чем четырнадцатимиллионную армию советских коммунистов в Кремлевском Дворце съездов.

Партия всегда считала главной обязанностью каждого коммуниста — личное активное участие в жизни организации, страны. На первой звуковой странице коммунисты разных поколений — М. И. Калинин,

С. М. Киров, секретарь Качканарского горкома партии Ф. Селянин, делегаты съездов КПСС ростовский рабочий П. Колесников и космонавт В. Быковский — говорят о том, что значит быть коммунистом.

«Ныне партия ведет народ на решение великих созидательных задач, — сказал товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии. — Ее моральный авторитет будет тем выше, чем более высокими идейными и нравственными качествами будет обладать каждый коммунист».

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

ИДУ НА ТАРАН!

Герой Советского Союза
коммунист
Б. И. Ковзан.
1972 год.

Фото А. Лидова

«Мессершмитт», маневрируя, повернул в сторону Москвы. У советского летчика, преследовавшего противника, не было уже ни горючего, ни боеприпасов.

«Уидет!» — подумал он. — Что же делать?.. Таран, только таран!.. Воздушный таран. Что это? Вспышка ненависти к врагу? Безрассудство или отчаяние? Возможно, таран — случайное столкновение самолетов в вихре боя? Или это осознанное чувство долга, помноженное на уверенные действия воздушного бойца?

Идея уничтожения неприятельских летательных аппаратов приемом тарана выдвинул перед началом первой мировой войны автор «мертвой петли» Петр Николаевич Нестеров. А 26 августа 1914 года он же впервые в истории авиации сбил таранным ударом австрийский самолет-разведчик «Альбатрос». Ценой жизни доказал правоту своей идеи. Подвиг Нестерова повторил русский летчик Казанов. В марте 1915 года колесами истребителя он таранил германский самолет и благополучно возвратился на свой аэродром.

Боевой прием Нестерова взяли на вооружение советские летчики. Еще в конце тридцатых годов, выполняя свой интернациональный долг по защите народов других стран, Герои Советского Союза Евгений Степанов, Николай Жердев, Антон Губенко, Витт Снобарихин, Александр Мошнин, Виктор Кустов, Виктор Рахов успешно таранили вражеские самолеты.

С первых минут Великой Отечественной войны и до Дня Победы свободу социалистической Родины защищали сыны всех народов нашей страны. Таранными ударами советских авиаторов было уничтожено 212 гитлеровских самолетов.

Вот хроника только одного дня — 22 июня 1941 года.

4 часа 15 минут. В бою над городом Замбрув у командира звена младшего лейтенанта рязанца Дмитрия Кокорева, преследовавшего фашистского разведчика, отказывает бортовое оружие. Кокорев винтом своего МиГа разваливает фашистскую машину...

Под украинским городом Дубно звено старшего лейтенанта Ивана Иванова из Подмосковья перехватывает пятерку бомбардировщиков «хейнкель-111». Два стервятника подбиты. Но выходят из боя, израсходовав горючее, и ведомые Иванова. Таранным ударом Иванов отрубает флагманскому «хейнкелю» рули управления. Бомбовоз грохнулся о землю. На малой высоте Иванов не смог воспользоваться парашютом. Его И-16 с заклиненным мотором упал вблизи аэродрома. Остановившиеся бортовые часы показывали 4 часа 25 минут...

5 часов 15 минут. В районе Станислава (ныне Ивано-Франковск) истребитель Леоннда Бутелина идет навстречу звену «юнкерсов». Вот-вот они

сбросят бомбы на аэродром и жилой городок. Бутелин таранит ведущий «юнкерс». Молодой пилот с Могилевщины погиб...

10 часов утра. Над окруженным фашистами Врестом четверка истребителей «Чайка» завязывает бой с восьмью «мессершмиттами-109». Прикрывая товарищей, донбасец лейтенант Рябцев на глазах защитников крепости наносит встречный таран вражескому «мессеру»...

В этот же день таранными ударами уничтожили фашистские самолеты ирландиянин Евгений Панфилов, саратовец Андрей Данилов, сталинградец Степан Гудимов...

Воздушный таран требовал от летчиков ювелирной техники пилотирования, колоссальной выдержки, мгновенного боевого порыва. Фашисты за все годы войны ни разу не решились на таранный удар. Сбитый гитлеровский ас Рудольф Люгер признался: «...О таране слышали, но не верили в его осуществление. Какая это страшная вещь!»

Особенно ярко героизм советских пилотов проявился при обороне Москвы.

Двадцать три раза наши летчики применили здесь этот грозный прием боя. Если первый таран не давал резуль-

*Борис Ковзан:
«Я решил рубить хвост
самолета противника.*

*Машина
пошла на удар...»*

*Рассказ летчика
о воздушных
схватках с врагом
слушайте во второй
звуковой
странице.*

тата, они неотвратимо наносили второй.

Так поступили раненные в воздушном бою вблизи столицы Виктор Киселев и Николай Лисконоженко.

На подступах к Москве совершил свой первый таран и девятнадцатилетний младший лейтенант из Бобруйска Борис Ковзан. Произошло это 29 октября 1941 года.

Звено Ковзана возвращалось с боевого вылета. При заходе на посадку он внезапно увидел идущий к Туле «мессершмитт-110-ягуар». Ковзан знал: самолеты этого типа имеют по шесть пушечных крыльевых установок и спаренный крупнокалиберный пулемет, защищавший заднюю полусферу. В истребителе же Ковзана на исходе были горючее и боеприпасы. Борис, не задумываясь, ринулся в атаку. Отстреливаясь, «мессершмитт» попытался уйти. Над центром Тулы Ковзан сразил вражеского стрелка. И тут захлебнулись, расстреляв последние патроны, пулеметы ЯКА. «Ягуар», резко маневрируя, повернул в сторону Москвы.

Оба самолета, форсируя двигатели, приближались к Зарайску. Тревога охватила молодого пилота. «Как остановить фашиста? Время измерялось долями секунд. ЯК навис чуть правее долями секунды. Диск винта фашистской машины. Диск винта приблизился к хвостовому оперению «мессершмитта». Удар! Самолет врага, перейдя в беспорядочное падение, рухнул на землю.

Это был не последний воздушный таран комсомольца Бориса Ковзана...

Полковник С. ШИНГАРЕВ

Геннадий
БУРАВКИН

МОЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ЗЕМЛЯК

Каждому, кто бывал далеко от дома, там, куда не залетают родные боровые ветры, хорошо помнится неповторимое чувство чуть ли не детской радости и гордости от встречи с земляком. Кажется тогда, что вдруг опять пахнуло дымком Отечества, и еще острее понимаешь, как она дорога, материнская земля.

Собираясь даже в самый дальний путь на любой из пяти континентов, я почти безошибочно знаю заранее, что непременно встречу там минчанина. Правда, я не смогу обнять его, но вот по мужски хлопнуть по плечу не откажу себе в удовольствии. Хотя он и железный, но — земляк. Его знают в 57 странах мира, он награжден медалями многих международных выставок, ему поставлен памятник. На полях Азии и Африки, Европы и Австралии оставил он свой глубокий след, потому что имя ему МТЗ-50 (или 52), а проще — «Беларусь», и профессия у него мирная и уважаемая — трактор. В биогра-

фин его, не такой уж и длинной, отразилась, можно сказать, послевоенная история моей страны, моего партизанского края.

На праздничной демонстрации над колонной тракторостроителей колышутся знамена с орденами Ленина и Октябрьской Революции, во главе колонны — созвездие Героев Социалистического Труда. Когда я вижу эту многотысячную колонну, я вспоминаю старую фотографию в заводском музее и на ней газосварщика Дмитрия Сазоновича Окуневича.

На фотографии — лесная поляна, палатки и группа людей в гимнастерках. Первое общезаводское партийное собрание. Присутствуют 28 членов и 12 кандидатов в члены партии. Было это 22 июля 1946 года.

А еще раньше — летом 1944 года — по этой поляне полз солдат Дмитрий Окуневич. Он прислушивался к свисту пуль и близкому уханью снарядов, сантиметр за сан-

тиметром приближаясь к Минску — истерзанной столице Советской Белоруссии, ожидавшей освободителей. После войны залечив солдатские раны, Окуневич стал сначала тракторостроителем, а потом тракторозаводцем. И хорошо помнит первую — КД-35, сошедшего с конвейера 4 ноября 1950 года. Он тянул за собой трудные борозды по давно не засеваемым полям, он нес хлебопашщину радость. И, сделанный руками вчерашних фронтовиков и партизан, детище дружеской помощи десятков заводов страны, он был прекрасен, этот «гадкий утенок», из которого выросли сегодняшние красавцы машины! А потом наступило 14 октября 1953 года — день рождения «Беларусь» — МТЗ-2, того самого, темно-вишневого цвета, что стоит на пьедестале перед центральной проходной. Готовясь к своему двадцатипятилетию, тракторостроители долго искали его. И нашли: он работал на посевной. Когда инженеры осмотрели машину, то удивились: мотор стучал все так же мощно и уверенно. Теперь трактор,

начищенный и покрашенный, вознесен на пьедестал, и перед ним посвящают в рабочие вчерашних школьников. Д. Окунович, В. Качан, Е. Клименко, Ф. Самусев и десятки других нивают ему, как старому приятелю. Ветераны помнят его в «деталлях», хоть за четверть века собрано уже 900 тысяч машин.

Конечно, наибольшее удовлетворение и заслуженную славу их создателям принесели МТЗ-50 и МТЗ-52. Эти тракторы пользуются признанием во всем мире. И вполне закономерно, что в конце первого года текущей пятилетки этим машинам был присвоен государственный Знак качества, а их создателям присуждена Государственная премия СССР... Для тех, кто не бывал на Минском тракторном, «Беларусь» — просто очень хороший современный трактор, быстрый, удобный. А я вот гляну на него и вспоминаю гулкие цехи завода, его научный центр — один из первых в стране, его автоматизированную систему управления — одну из первых в республике. В послевоенные годы это было ярким проявлением индустриальной силы Советской страны, восстановившей разрушенное, строившей новое. Я вспоминаю трехтысячную партию

организацию завода, чей опыт по повышению производительной и общественно-политической активности трудового коллектива недавно проанализирован и отмечен в Постановлении ЦК КПСС.

Я вижу морщинистые и безусые лица его вчерашних и сегодняшних героев.

Еще вспоминаю музейную соху на узкой полоске белорусского крестьянина. Это было не так уж давно — каких-то полвека назад, когда в справочниках писали: «Отсталая аграрная окраина России».

Минский тракторный помогала возводить вся Советская страна. Минские тракторы помогают теперь земледельцам Советской страны. Это высокий и справедливый закон всей нашей жизни. Минск

На фото. Первенец, ставший памятником.

Новый день пятилетки начинается в чертежах. Передовики, новаторы, чей повседневный труд вложен в «Беларусь»: Герой Социалистического Труда сварщица Г. Мягкова, лауреат Государственной премии тракторист-испытатель М. Грузд, Герой Социалистического Труда штамповщик Ф. Самусев.

Всемирная слава советского земледельца.

Фото
Л. Лазарева

В городе Гродно живет тренер по гимнастике Ренальд Кныш. У него прозрачные глаза, тихий голос и шевелюра цвета воронова крыла. В середине шестидесятых годов его ученицы Елена Волчечкая и Тамара Алексеева блистали и были в сборной страны, а когда сошли с помоста, о Кныше долго ничего не было слышно.

Но вот появилась пятнадцатилетняя гимнастка Оля Корбут, ставшая сразу почти легендой, потому что описать словами невероятные трюки, проделываемые в воздухе над снарядом этим «чудом Кныша», этим сплошным мускулом, почти невозможно...

В городе Витебске живет тренер по гимнастике Викентий Дмитриев. Он белес, флегматичен, но внутренне лукав. Его ученица Лариса Петрик произвела в нашей гимнастике переворот, победив в свои пятнадцать прославленную и многократно коронованную Латынину. Кучинская, Воронина, Карасева — они пришли уже потом.

Первой в «новой волне» была Петрик. В Мехико она стала олимпийской чемпионкой в вольных упражнениях, потом переехала в Москву и оставила спорт. Тем временем в Витебске выросла Тамара Лазакович, абсолютная чемпионка Спартакиады народов СССР, абсолютная чемпионка Европы.

В городе Минске живет тренер по гимнастике Виктор Хомутов. Современный молодой человек — общительный, практичный. Кныша и Дмитриева знают все, Хомутова — еще мало: он начал недавно. Его ученица Антонина Кошель — третий призер Спартакиады Женской сборной Белоруссии, едва ли не самая молодая сборная, составленная в основном из воспитанниц Кныша, Дмитриева и Хомутова, победила на Спартакиаде.

Команда эта вся на контрастах. Как, например, характеры Петрик и Лазакович.

Петрик на помосте — как песня, красивая и короткая, в два куплета: 1964-й — победа над Латынцовой, 1968-й — победа в Мехико. Петрик — как бурный костер ее рыжих волос. Ей вовсе не хотелось быть выше всех на пьедестале — просто быть лучше, красивее, просто всех покорять.

Стройненькая, беленькая Лазакович — прежде всего спортсменка, ею движет азарт борьбы, ей не покорять надо — побеждать. В душе она упорна, своенравна, а на помосте просто свирепа. Вроде маленькой атаманши в «Снежной королеве»... Это — разнипа. Но есть и сходство. Оно в изящной точности каждого их движения, каждого жеста, в предельной отретенированности самого крохотного поворота головы — отретениро-

Гимнастика.

Удивительный мир движений.

На фотографиях вы видите абсолютную чемпионку Европы Тамару Лазакович и двенадцатилетнюю Лиду Горбик.

Гимнастика прежде всего зрелище.

Но мир этот полон и звуков.

На пятой звуковой странице — фонограмма крупнейшего международного гимнастического турнира.

«Дети играют в куклы, потом в школу, а здесь ребенок играет в спорт...» — своими мыслями о тренерской работе с вами делится Виктор Хомутов.

Фото С. Лидова

ЧЕМПИОНЫ | С

ванности до грани, которая делает их прекрасней, горделивый гимнастический аристократизм естественным, почти врожденным.

И как всего этого добивается Викентий Дмитриевич Дмитриев, я, много лет его знающий, понятия не имею. Дмитриев в гимнастике — человек твердых убеждений. И, я бы сказал, не слишком современных. Собственно, понятие «современности» в женской гимнастике определяется отношением к тем сложным и рискованным элементам, которые изобилуют в программах большинства спортсменов. Дмитриев к этим элементам относится со спокойной осторожностью, для него первична чистота движений, а сложность вторична.

И вот вновь контраст. Ренальд Иванович Кныш.

Прежде чем вставить трюк в упражнение, его надо придумать, не правда ли? Надо, очевидно, иметь совершенно особый склад ума, чтобы увидеть в воображении человеческое тело, совершающее некий, никогда не виданный и никем не слыханный переворот или поворот, а потом разработать биомеханику трюка, методику обучения. Я знаю двух людей подобного склада, двух новаторов и первооткрывателей. Один — Кныш, другой — знаменитый воронежец Юрий Штукман. Как вы теперь понимаете, для Кныша — в противоположность Дмитриеву — сложность первична, чистота же вторична.

И вот при этой принципиальной разнице итог одинаков — гимнастика высочайшего класса. Это диалектика спорта. Что же объединяет на практике столь разные гимнастические школы? Метод. Он состоит в напряженной, неустанной, кропотливой работе, подчиненной строжайшей дисциплине. В бесчисленном количестве повторений одного и того же элемента — до тоски, до слез.

И чтобы все это вытерпеть, чтобы выпорхнуть в один прекрасный день на помост еще более прекрасной, нужно такое качество, как энтузиазм. Энтузиазм ученицы и учителя.

...Биография тренера укладывается в простую схему. Он сам даже мастером спорта не был. Он приехал в город, в плохонький зал и решил лопнуть, но доказать, отстоять — пусть не своими ладонями, но ладонями своих учеников — свою точку зрения, свой взгляд на гимнастику. И ничего, кроме нее, у него нет: ей дни его и ночи, все его помыслы и силы. И новый зал он своими руками строил, каждый кирпич на ощупь помнит. Так — день за днем. Всегда.

Это биография Кныша, Дмитриева, молодого Хомутова.

С. ТОКАРЕВ,
спортивный обозреватель

Э. МОЖЕЙКО, кандидат искусствоведения

Полесье — особенный белорусский край. Бескрайние дуга, зубчатые дремучие леса, величественно-спокойная Припять. Первое впечатление от Полесья — зеленое море без границ и берегов. Простором веет и от полесской песни. Если слышишь, как высокий голос парит над всеми другими голосами, будто там, в выси, жаворонок вяжет узоры по тонкой воздушной канве, а сама песня звучит на нескончаемом дыхании, то знай — песня эта родилась на Полесье. Верхний подголосок называется здесь «подводкой». Это солирующий женский или мужской голос, который контрапунктирует с «басующим», по народному выражению, голосом основного напева. Вскый раз, выезжая в фольклорную экспедицию, я испытываю чувство, похожее на то, что переживает одержимый грибник, отправляющийся в очередное странствие по лесу. Понятно, грибов много в лесу, но надо же угадать заповедные, самые богатые и еще не тронутые грибные места. Маяющие воображение песенные источники надо найти и фольклористу. Смотришь на испещренную линиями и знаками карту Полесья и видишь где-то в уголке маленькую, почти затерявшуюся точку с надписью: деревня Озераны. Уж не это ли твое фольклорное счастье? Или вот надпись: деревня Замощье... А может, Дуброва или Тонеж, Глушкевичи или Семигостевичи? Добираться туда не просто. Где мчишься на «Ракете», где едешь на

Фольклорная экспедиция «Кругозор»

ПОЛЕССКАЯ ПЕСНЯ

коне, а иной раз садишься на мотоцикл или просишь у геологов вертолет.

Живописная лесная деревня Клетная, раскинувшаяся в самом центре Полесья, на Пинщине, — одна из самых больших моих радостей. Клетная прежде всего галерея ярких людей, интересных не только своим пением, но и разговором, характером, обликом. Клетнянский лесник Александр Коренчук — певец, лирик. Песня о милой Марусе, идущей «по водиченку», и песня о соседке, которой сосед «говорит неправдоньку», льются у него свободно, как прозрачные полесские ручьи. Рядом с Коренчуком — могучие богатыри Иосиф Русак и Павел Шевчук, поэтическая певица Ольга Вакульчик и задорная, игривая Любка Слиж. «Все наши песни взяты у жизни», — говорят они.

Жизненный опыт, взгляды, время формируют и возрастной состав деревенских полесских хоров. Когда фольклористы не так давно приехали в село Тонеж, то встретились с Мотруной Окулич, которая помнит, как лет сорок назад она еще девчонкой слушала запись пения своей будущей свекрови Домны Окулич: «Тогда нам, девкам, старые песни были не в моде. Мы свои, новые пели. А Домна как заведет по-колишнему (по-старинному) в трубу (фонограф), то мы просто катаемся со смеху. Но не знали мы тогда, что и сами эти песни запоем. А сейчас кажется, что только так и надо петь...» А наипервейший клетнянский певец старинных календарных и свадебных песен — Адам Слиж. Он сплет вам и песню с комической жало-

КОСИЧКАМИ

бой жней о том, что она осталась на ниве позади и просит ее подождать. Сплет древнюю и вечно новую свадебную песню о невесте, которой расчешут белый лен — ее косы — и повезут на вороных конях лесом высоким далеко от матери. Весною же здесь «водят куст» — наряжают зеленью (делают кустом) самую красивую девушку в округе и холят с ней по селу, распевая традиционные весенние песни.

Но вот широкий разлив лирики сменяется искристым задором песни беседной, застольной. Это песня о «серебряной чарочке с золотыми бережками», такой хорошей и «сверху и со дна». Она должна быть полной в этом сказочном веселье, в этом по-народному раздольном «пире на весь мир», где нет ни жеманства, ни чопорности.

На протяжении веков песенное искусство Полесья сложилось в своего рода народную художественную школу, мелодическую по самой своей природе и сущности. Громкая же манера исполнения песен складывалась в пении на открытом воздухе — в поле, в лесу, на воде. Вот почему лучших полесских певцов находили среди плотогонов, лесников, пастухов. Им надо, говоря их же словами, голос по-настоящему дать, да так, чтобы песня донеслась и в соседнее село, через реку. И если ты хотя бы издали услышишь пение звонкого Полесья с его артистами-самоцветами, то уже не забудешь его никогда...

МОНОЛОГ ИВАНА ВИДЯЙЛО,

*председателя колхоза имени А. А. Жданова,
Пинского района, Брестской области*

Когда в 1966 году полностью закончили электрификацию в Клетной, магазины никак не могли навозить телевизоров — столько их брали. Электричество очень много сделало в культурном росте крестьян...

В колхозе у нас денежная оплата. Живем сейчас, можно сказать, зажиточно. Наше хозяйство животноводческое. В этом году построили первую очередь свинофермы, где все механизировано. Теперь возводим помещение для выращивания молодняка. Работает у нас много молодежи. Половина механизаторов — молодежь. Недостатка в кадрах нет.

Во время войны в Соколовке домов сорок было сожжено, почти ничего не осталось. Все заново колхоз отстроил. И жилища вдовам, старикам, у которых сыновья погибли.

Артюх Василий, тракторист, был во время Отечественной войны снайпером, у него много наград. Ордена, медали имеет Ярута Василий Петрович. Тоже воевал, был ранен; сейчас награжден орденом Октябрьской Революции. Доярка Ярута Любовь Никитична награждена орденом Трудового Красного Знамени. Всего у нас имеют правительственные награды семнадцать человек.

...А песни у нас любят. Клетная вообще славится песнями, и там поют на свой, я бы сказал, клетнянский затейливый искристый манер. В их песнях есть что-то именно природное

4

На пластинке «Кругозора» впервые запечатлены полесские песни, записанные нашим корреспондентом в деревне Клетная.

КАК ЛЯВОНИХУ ЛЯВОН ПОЛЮБИЛ

Людмила ЯШИНА,
специальный корреспондент «Кругозора»

В детстве она жила в селе и помнит: знойный летний день, вся деревня в поле, собирают первый послевоенный урожай. Кто старше — помогает взрослым. Совсем маленьким матери тут же в поле мастерили наскоро из соломы кукол, лошадок, смешных птиц.

И не было у нее предчувствия, что станет через несколько лет известной мастерицей вот таких кукол из соломки, что работами ее будут любоваться в Париже и Токио, в Будапеште и Брюсселе.

Вот что рассказывает сама Катя Артеменко — ведущий художник Могилевской фабрики сувениров.

— Взяла я пучок соломы и вспомнила, как мама в детстве плела нам куколки. Попробовала перевязать солому нитками — получилась головка. Еще один пучок перевязала посередине — платье. И еще несколько таких фигурок сделала.

Вышел у меня «Нестерко — детей шестерко». Нестерко — с вилами, такой настоящий белорус. А баба — с коромыслом, в саложках красненьких, толстая такая. И шестеро детей у них. Я их поставила по росту... Казалось бы, все очень просто: взяла пучок соломы и сделала куклу. Но солома не всякая годится для работы. Чтобы она была тоненькая да непомятая. А для этого нужно косить рожь не машиной, а серпом, колосок к колоску. Освобождают стебель от зерен, отбивают «коленку» — перегородку внутри стебля. Я люблю свое дело, — заключает Катя. — Я когда работаю над солодкой, то чувствую запах полей...

...Рожь. Такая она красивая, когда чуть-чуть колышется от ветра и шумит, будто шепчет, рассказать будто хочет, как проносились зимой над ней вихрастые кони с веселыми седоками: то ли свадьба была, то ли торопились ряжеными. А может быть, это был-небылица про Лявона и Лявонику? И Катя «рассказывает» еще одну свою солодку:

— У Лявона много дел, ему надо курей кормить, коров доить. Он даже не успел одеться. На одной ноге у него — сапог, на другой — лапоть. А Лявонику и дела нет. Такая беззаботная, собралась на рыбалку, взяла удочку, ведро и илет себе...

На photographиях И. Константинова, Л. Лесных и О. Макарова — искусство Полесья. Соломенные игрушки, танцы самодельных артистов из Бобруйска, знаменитая полесская песня. Кажется, от самой земли — ее пажитей, пущ и ровных вод — взлетает громкий голос деревенского певца. Вот они, клетнянские артисты, перед слушателями VII конгресса Международного музыкального Совета в Москве в октябре 1971 года.

С промышленного конвейера БССР

сходит:

каждые 18 минут — новый автомобиль;
каждые 7 минут — трактор;
каждые 4 минуты — мотоцикл;
каждую минуту — телевизор,
радиоприемник.

Знаменитые «БЕЛАЗы» трудятся на крупных стройках, горнорудных предприятиях страны. Они отлично зарекомендовали себя и за рубежом.

В этом году белазовцы получат с Уральского турбомоторного завода тысячесильные дизельные моторы, равные по мощности двигателям железнодорожных локомотивов. Это для новых «БЕЛАЗов» грузоподъемностью до 180 тонн.

СТАРТ
ЗА
СТАРТОМ

Электронно-вычислительные машины «Минск» применяются во многих отраслях народного хозяйства страны — от управления предприятиями пищевой до решения всесоюзных научно-технических задач.

ЭВМ «Минск-22» с высокой точностью определила вес атмосферы Земли.

Подсчеты нужны для исследований в области космонавтики, космической геодезии и гравиметрии.

ЭВМ «Минск-32» решает задачу правильного размещения лесных и бумажных производств в различных районах страны.

В строительстве Минского завода имени Орджоникидзе, выпускающего ЭВМ, принимали участие многие специалисты из братских республик: москвичи, рижане, киевляне.

Максим ТАНК

Эта земля ничем не приметна.

Будете ехать —

Спицы передних колес

Могут завязнуть в болоте,

А задних — в песке.

Станете поле пахать —

Плуг

Может выворотить валун

Или разбудит

Гром позабытой мины.

Строиться захотите —

Топор иступится от пуль,

Засевших в каждой сосне.

И никому невдомек,

Почему, расставаясь,

Каждый из нас с собою берёт

Горсточку этой земли.

ПОД
ЕЛКОЙ
В ДОЖДЬ

Прости,

Что столько взлорю

Наговорил тебе в прошлом:

О корабельных мачтах —

Пристаннице чаек усталых,

Седых облаков...

О цимбалах,

Которыми ты могла бы

Звенеть

При свадебном застолье.

Весело переключаясь

С чарками, полными всклень...

О сколоченном из твоих досок

Гробе, над которым

Играли бы медные трубы

И кто-то

Речь произнес бы

Такую взволнованную,

Что ее, возможно,

Напечатали бы...

Хорошо, что ты устояла

Перед искушением

Столь блестящей карьеры.

На искрайке родного леса

Осталась просто елкой,

Под чьим зеленым зонтом

Нынче вместе со мною

Укрываются от дождя

Боровик и две сыроежки,

Куст ежевики

И шмель,

Сердито гудящий оттого,

Что не в силах поднять свои крылья,

Отягощенные полными ведрами

Душистого меда.

На весах озер

Взвешиваются рыбацкие лодки,

Перелетные тучи и птицы.

Вот на чашу Мястра

Навалилась гроза,

И оно начало опускаться.

После на чашу Нарачи

Пала тень партизанского обелиска,

И оно перевесило.

Так и колеблются чаши озер

От радуг и туч,

От солнца и звезд.

Сколько раз

На сверкающих этих весах

Взвешивались

Сердце мое и мои песни!

Откуда в тебе столько радости,

Что я начинаю смеяться?

Откуда в тебе столько грусти,

Что я впадаю в отчаянье?

Откуда в тебе столько света,

Что я и в ночи тебя вижу?

Откуда в тебе столько сумрака,

Что и днем, как слепой, блуждаю?

Юрась СВИРКА

Утро сладостно спит,
молодое, безгрешное,
даже зависть берет,
до чего оно сладостно спит.
Мама будит его
тихо-тихо
шагами неспешными,
осторожно и робко
настылою дверью скрипит.
И колодезный ворот
завязкает цепью веселою,
и, когда остается
последний виток,
спотыкается в срубе ведерко,
еще полусонное,
и ныряет в кристальный живой холодок.
Мама вышла по двор,
выбирает посуше поленца,
чтоб олады в печи поспевали скорей.
И большую охалку
несет она бережно в сенцы
на руках,
словно некогда сонных детей.
А как только огонь
меж поленьев вовсю залютует,
пробудятся дрова,
застреляют из всех батарей.
В честь наставшего утра
горящая печь салютует,
а по правде — в честь мамы моей.

Алексей ПЫСИН

В час, когда у последней межи
рухнул город гремющей стеною,
из пожара взметнулись стричи
прямо в звездное небо ночное.
Высоко, далеко от земли,
где ни страха, ни звука, ни пули,
там убежище птицы нашли,
на лету они в небе заснули.
Был их сон необычен — крыло
над струей, словно вечность, безгласной
их держало всем бедам назло
силой жизни, упругой и властной.
...Встали горы жилых этажей,
а над городом в синем зените

спят стрижи... Не будите стрижей,
душ, отваянных ввысь, не будите.

Рыгор БОРОДУЛИН

Длинеют ночи — вызрели костянки,
пропахли терпкой влагою комли.
Пустые партизанские землянки
травой-чернобылом заросли.
Рассвет дождливый приедет делянки
в солдатские шинели до земли.
Грибные каски ржавчиной пошли,
и порох порхляков спалил смолянки.
Трассируют вдоль просеки шмели,
березы побелели, как беглянки,
слезами листья вереск обожгли.
Землянки на груди моей земли,
озероокой, гордой партизанки,
как ленты пулеметные, легли.

Юрий ГОЛУБ

Стары мосты.

Быстра
река...

А время — вечно...

По осоке приречной
Ступают мастера.
...Набат еще звучал,
беда сушила губы,
но, словно бы гончак,
топор сновал по срубам.
...Прилежны мастера,
давно не бриты лица,
а из-под топора
слезой течет живица.
Повеса-ветропас
не может жить без шуток...
Узнай, что ватерпас
почти по-женски чуток.
Узнай, что ремесло
сжигает без остатка...

На стружках
мастер
спит

спит,
выпив два по сто...
Высокая трава
бушует на погосте...
Земля! Идем не в гости,
идем
для мастерства.

Переводы с белорусского
Н. Кислика

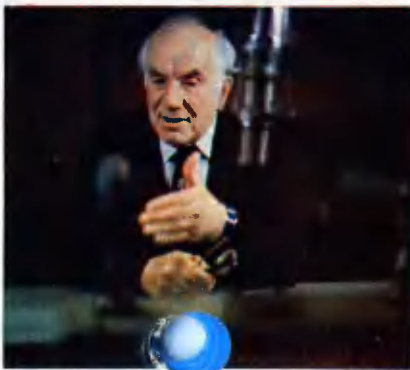

Вера ВЕРБА

Сумрак дымкою белесой
Заклубился над водой,
Курит люльку под березой
Вечер — лодочник седой.
— Вечер, вечер, дай мне лодку,
По волнам полынных рос
Под лунной туманной холко
Поплыть я меж берез.
С детских лет я полюбила
Шорох трав и шелест вод,
И неведомая сила
В отчий край меня влечет.
Чтобы у родной криницы,
Здесь, в березовом краю,
Отдохнуть, воды напиться
И забыть печаль свою.
Я полесская дивчина,
Тихой вербе я родня,
И дрожащая калина
Так похожа на меня.
Здесь, среди лугов медвяных,
Я нашла судьбу свою,
Здесь, забыв о теплых странах,
Певчей птахой отпоя.

Перевод А. Дихтяря

Помню, когда я играл в театре Мейерхольда Аркашку в «Лесе», один человек, имеющий отношение к искусству, сказал мне: «Вы так хорошо играете, у вас так легко получается, наверное, вы совсем не трудитесь». Я не стал его разубеждать, но про себя подумал: «Если бы ты знал, как трудно было прийти к этой легкости». Вскоре после этого разговора я встретил режиссера Б. М. Сушкевича. Он ставил «Дело» Сухово-Кобылина с Михаилом Чеховым, величайшим актером современности. Я сказал Сушкевичу: «Как может Чехов так легко все делать, как будто он живет на сцене». И был потрясен ответом Сушкевича. «Да, — сказал Сушкевич, — нам много пришлось поработать, сколько пришлось его очищать от разных приемов, это была очень трудная и серьезная работа».

Может быть, тогда я именно и понял, что в общем-то ничего с кондачка в театре не дается. Конечно, иногда бывает какое-то наитие, но актерский труд — это мое глубокое убеждение — очень тяжкий труд. По существу, актер думает о своей роли круглые сутки. Даже во сне он может видеть что-то близкое к роли, если он всецело поглощен работой. А иногда роль созревает будто сама по себе. Трудно сказать, от чего отталкиваешься вначале — от внешнего ли момента, от внутреннего ли. Это тайна, не в смысле секрета, а тайна творчества — как это вышло. У нас считается порой похвальным, если актер за каких-нибудь несколько дней может заменить другого актера в большой роли. Я убежден в одном: для рождения

образа и появления его на свет нужно много времени.

Актер должен обладать особой способностью — умением видеть себя на сцене как бы со стороны, но чтобы это ему не мешало или не вылилось бы в простое самолюбование. Всеволод Эмильевич Мейерхольд называл это умением «самозеркалить». Актер может плакать на сцене настоящими слезами, переживать, но если он в это время не видит себя, он может все делать в нелепом или смешном ракурсе.

Актер должен обладать и другой способностью — умением чувствовать свой материал. Потому что он и творец и материал в одном лице. И материал этот меняется со временем. Озорство, которое приятно выглядит у молодого щенка, котенка или у молодого актера, может раздражать в сорокалетнем возрасте, уже не говоря о более позднем. Это надо учитывать: все время делать для себя что-то новое, уметь сбрасывать прежнюю кожу и являться в свежей.

Михаил Иванович
Сушков
**ВСЕ
ЗНАТЬ...**

Размышления о профессии актера

Профессия актера требует непрерывной учебы, опытов, нескончаемых экспериментов, а следовательно, и сдачи нескончаемых экзаменов. Я начинал играть у Ф. Ф. Комиссаржевского и В. Г. Сахновского. И мой первый экзамен на внешнее перевоплощение был выдержан. Моим руководителям нравилось, как я играл старика Антонио в «Свадьбе Фигаро» и папу Селима в «Похищении из Сералья» Моцарта. Меня грело, когда старые актеры говорили: «Какой вы достоверный, поразительно, что вам восемнадцать лет». Я делал мимику, походку, то есть примитивными приемами создавал характер, но не было психологических нюансов, внутреннего перевоплощения. Я не понимал тогда, что если превалирует чисто внешняя характерность, то она как бы заковывает тебя в скорлупу. Характерность должна только аккомпанировать внутренней жизни образа. Мейерхольд подтолкнул меня отойти от метода формального перевоплощения. Он звал меня к большой человеческой свободе, дал возможность найти в самом себе живые и смелые краски. У Мейерхольда я сдавал свой второй экзамен. Я играл роль Брюно в пьесе Кромелинка «Великодушный рогоносец». Безусловным экзаменом была и роль Аркашки в «Лесе». Мне хотелось его играть как буффона. Несколько раньше в театре оперетты я играл буффонных комиков, это было моим увлечением и своего рода тоже экзаменом.

Мейерхольд говорил мне, что Аркашка скорее уж простака, чем комик. Он считал его человеком не без изящества, ведь тот когда-то играл любовников...

Но самыми серьезными экзаменами для меня, конечно, были работы в Малом театре, куда я пришел в 38-м году. У меня всегда была тяга к реализму, общение же с П. М. Садовским привело к тому, что я стал, как говорится, бóльшим роялистом, чем сам король. Еще неся на себе старый груз, я стал борцом за чистоту стиля Малого театра. Это осталось во мне неизменным до сих пор.

...Каждый период жизни определен для художника своим кругом интересов. Чехов, Чехонте, который начинал с озорных рассказов, в зрелом возрасте уже не писал для «Осколков». Он стал в нашем сознании величайшим и нежнейшим писателем. Я повторяю — нежнейшим, потому что, чем больше углубляешься в Чехова, тем больше поражаетесь его любви к человеку. Даже тогда, когда он его изобличает. Чаплин начинал с того,

что боксировал, бросался в лицо пирожными. Его трюки заставляют публику до сих пор надрываться от смеха. Но пришел он к философским произведениям. О Чаплине хорошо кто-то сказал: «Он знает все». Мне кажется, что это качество и лежит в основе понятия «настоящий художник», когда, зная все, он может поделиться со зрителем своими тончайшими наблюдениями, открыть еще что-то неведомое, не увиденное в жизни.

На пластинке я буду читать два стихотворения Александра Твардовского. В жизни я занимался много художественным чтением. Я думаю, что художественное чтение где-то восполняет актеру то, что ему не удалось сказать на сцене или в кино. Вначале мне говорили, что я должен читать смешные рассказы или басни, то, что ближе моему ампула. А я читал серьезные вещи — «Карла Ивановича» из «Детства» Толстого, Твардовского. Казалось бы, невыгодное чтение. Но я не выбирал самое лучшее или самое эффективное. Я выбирал то, где как актер мог выразить что-то близкое моей душе и своей трактовкой послужить автору.

Фотокорреспондент А. Лидов назвал свой репортаж «День актера». Игорь Ильинский дома: работа над Салтыковым-Щедриным. Останкино: снимается кинопанорама. Радиодом: запись на пластинку «Кругозор». У Малого театра с Б. Бобочкиным: «Приходите на «Свадьбу Кречинского». В гримерной: «Расплюев — человек без возраста». В тот день состоялась репетиция спектакля «Ревизор».

Действие новой повести — названия ее у меня еще нет — разворачивается на одном из участков Калининского фронта в трудные дни обороны Москвы 41-го года.

Для проведения диверсионной операции в тыл врага посылается группа разведчиков под командованием лейтенанта Ивановского.

Преодолев ряд трудностей, они пробиваются к цели своего пути.

Отрывок подводит читателя к тому моменту, когда разведчики уже находятся около немецкой базы боеприпасов.

Остается перейти лишь шоссе...

Василь БЫКОВ

Рисунок А. Брусиловского

ЧЕРЕЗ ШОССЕ

Проваливаясь в глубоком снегу, местами доходившем до пояса, Ивановский направился вниз, к шоссе. Идти на лыжах по переметенному снегом противотанковому рву было неудобно, лыжи они несли в руках. Ров время от времени делал небольшие изгибы, выходя из-за которых лейтенант с предосторожностью осматривался по сторонам. Но во рву и поблизости вроде никого не было; ребристые снежные суметы на дне лежали нетронутыми. Наконец стало слышно глухое урчание дизелей, пахло едва уловимым на морозе дымком синтетического бензина — они подошли к дороге. Ивановский высунулся из-за оголенного глинистого выступа на очередном повороте и тут же отпрянул назад. Совсем близко в конце широкого разреза рва промелькнул автомобильный кузов, укрытый вздувшимся на ветру брезентом, потом еще и еще.

Шла колонна автомобилей, в некоторых открытых машинах возле кабин были видны нахохлившиеся фигуры немцев в зеленых шинелях. Судя по всему, их здорово-таки пробрал русский мороз, и седоки не очень засматривались по сторонам.

Лейтенант сделал рукой знак замершему от напряжения Пивоварову и по краю сумета взобрался повыше на откос.

Конечно, он был далек от того, чтобы надеяться на скорую удачу, на удобный для перехода момент, но все же такого упорного невезения он не ожидал. Коченея на морозном ветру, он едва дождался, пока прогрохотали по шоссе машины; казалось, близости никого больше не было. Но едва он вы-

сунулся из-за смерзшихся на бруствере комьев, как увидел невдалеке немцев. Их было трое, это были связисты. В то время как один, взобравшись на столб, возился там с проводами, двое других с аппаратами сидели на обочине дороги — видно, налаживали связь. Из-за их спин торчали стволы винтовок, на земле лежали мотки проводов и какие-то инструменты. Правда, немцы были заняты делом, но, разумеется, не настолько, чтобы не заметить двух русских, если те под самым их носом вздумают перебежать шоссе.

Значит, опять надо было ждать. И лейтенант уныло лежал на мерзлых, присыпанных снегом комьях и не отрывал глаз от шоссе. Стало чертовски холодно, мерзлы ноги, раненое бедро болело все больше, и эта боль все чаще обращала на себя внимание. Движение на шоссе несколько раз то возобновлялось с наибольшей плотностью, то несколько затихало, и тогда появлялся разрыв в километр или, возможно, больше. Раза два подворачивался более-менее удобный момент, чтобы перебежать на ту сторону, но немцы все еще возились со своей связью. Лейтенант три раза доставал увесистый кубик танковых часов, последний раз показавший половину одиннадцатого. Связисты не уходили.

Прошло полчаса, прежде чем тот, что сидел на столбе, наконец слез с него, и лейтенант подумал, что теперь, возможно, они смуются... Но немец перешел к следующему столбу и, прицепив к ногам свои серпы-кошки, снова полез к проводам. Втроем они о чем-то негромко переговаривались там, но ветер относит слова в сторону, и лейтенант не мог ничего расслышать.

Так продолжалось бесконечно долго. Ивановский уже начал оглядываться по сторонам, подыскивая в отдалении от этих связистов какое-нибудь более подходящее место, как увидел, что на обочине возле двух немцев появился третий. Откуда он взялся тут, было совершенно непонятно, наверное, скрытый холмом, сидел где-нибудь на дороге. Лейтенант почувствовал в себе легкий озноб оттого, что, рискуя он перебежать шоссе, и наверняка бы напоролся на этого невидимого четвертого немца. Между тем немец присел над аппаратом, о чем-то поговорил с остальными и махнул рукой тому, что сидел на столбе, — тот начал слезать. Пока он слезал, эти трое встали, не спеша разобрали свои сумки и ящики и направились вдоль по дороге.

На этот раз они остановились в значительном отдалении от рва, на столб уже никто из них не полез, и лейтенант глянул в противоположный конец шоссе — теперь, видимо, надо было решиться. Но прежде следовало как можно ближе подойти к дороге.

Он сполз с откоса на дно рва, сильно потревожив раненое бедро. Пивоваров вскочил со своего насыщенного в снегу места. Ивановский молча кивнул головой, и они, прижимаясь к крутой стороне откоса, быстро пошли по рву вниз. Тут уже их легко могли увидеть с дороги. Лейтенант упал за поперечный сумет, вжался в снег, рядом проворно зарылся в снег Пивоваров. Опухшее от холода и бессонницы мальчишечье лицо

бойца застыло в предельном внимании; время от времени лейтенант перехватывал его тревожный, вопрошающий взгляд. Находясь на дне рва, боец абсолютно ничего не видел и во всем полагался на командира, который принимал решения, теперь так много значившие для обоих.

Но отсюда уже и сам лейтенант ничего не мог увидеть и вынужден был положиться на слух, впитывая в себя все разрозненные и переменчивые звуки, долетавшие к ним с дороги. Конечно, это был не самый надежный способ из всех возможных для перехода, но другого у них не оставалось. Дождавшись, когда урчащий гул дизелей на шоссе несколько ослаб, и не уловив поблизости каких-нибудь новых звуков, Ивановский сказал себе: «Давай!» — и вскочил.

В несколько прыжков по глубокому снегу он достиг придорожного окончания рва, выглянул из него — шоссе поблизости действительно было пустым, хотя на дальний пригорок он просто не успел бросить взгляд. С бешеной прытью, пригнувшись, он выскочил на укатанную твердь шоссе и размашисто спрыгнул в сумет на дно следующего отрезка рва. На бегу он с удовлетворением отметил за собой тяжелое дыхание Пивоварова, изо всех сил припустил по дну к недалекому уже повороту. Через несколько прыжков, однако, он опять стал различать напряженное завывание моторов и в беспокоействе внутренне сжался, ожидая криков или, может, выстрелов. Но он все-таки успел скрыться за поворотом. Пивоваров несколько опоздал, но лейтенант, оглянувшись, увидел, что машины появились секундой позже того, как боец упал на склон. Машины промчались, не сбавляя скорости, и он впервые за это утро с облегчением выдохнул горький, раздражающий его грудь воздух.

— Фу, черт!..

Оба минуту загнанно, трудно дышали, потом Ивановский, привстав на коленях, огляделся по сторонам. Кажется, недалеко был кустарник — реденькие его верхушки выглядывали из-за высокого бруствера, и лейтенант с бойцом расслабленно пошли по рву. Порядком отойдя от шоссе, они попытались выбраться в поле. К удивлению командира, Пивоваров это удалось быстрее: лейтенант с первой попытки добрался лишь до половины склона и, поскользнувшись на крутизне, сполз в сумет. Опять очень заболело бедро. В этот раз он не смог или не захотел подавить в себе стон, и Пивоваров обернулся на бруствере, метнув в его сторону испуганный, вопрошающий взгляд.

— Ничего. Все в порядке.

Ивановский собрался с духом, преодолел боль, боец протянул командиру лыжную палку, с помощью которой тот перевалил наконец через бруствер.

— Так. Теперь на лыжи!

Тут, наверное, уже можно было идти вдоль рва, прикрываясь со стороны дороги бруствером, местами их неплохо скрывал кустарник.

В отдалении серели хвойные верхушки рощи, где ждала их удача или несчастье, слава или, может, смерть — их судьба...

В просмотровом зале студии «Беларусьфильм», где доделывалась картина «Записки охотника», микрофон «Кругозора» пришлось включить сразу. Не хотелось упустить деталей последней работы Олега Янченко, свершавшейся буквально на глазах. Янченко: Пожалуй, верно, что на глазах. Эта ординарная сама по себе работа — доводка, подправка — интересна одним. Допустим, изображение реки на экране продолжается дольше, чем предполагалось. Здесь будут добавлены валторны. Или реплика актера должна быть чуть подсветлена одним тоном или аккордом, создающим настроение. И вот от того, что на экране видна зримая действительность, у меня создается впечатление, что и невидимая сама по себе музыка становится зримой, обретает как бы материальность.

— Из чего соткана эта «материя» тургеневского фильма!

Янченко: Основу составило звучание голоса самобытнейшей нашей певицы Галины Кретовой. Ее замечательное, зачастую импровизационное пение окрашено в цвета русской природы. Иногда оно прямо этнографично и требует скромного, но точного инструментального рисунка, который либо контрастирует с игрой актеров, либо сливается с ней. Моменты сочинения музыки, как принято говорить, «под экран» — увлекательнейшие в композиторской работе.

— Создается впечатление, что ваша деятельность движется одновременно в различных направлениях: вы, концертирующий органист, были и за дирижерским пультом. Расширяется и ваш авторский спектр: в перечне ваших сочинений есть пьесы для фортепьяно и органа, вокальные циклы, инструментальные концерты, струнный квартет, опера. В последнем произведении вы обратились к блоковскому «Балаганчику»...

Янченко: Мне представилось крайне заманчивым музыкальное воплощение блоковской драмы, в которой он восстает против пошлости. Причина же обращения к различным формам кроется, быть может, в моем

музыкальном образовании. Оно также шло в нескольких направлениях. Композиции я учился у Ю. А. Шапорина. Игре на органе — у Л. И. Ройзмана. И, наконец, по классу фортепьяно занимался в Московской консерватории у Г. Г. Нейгауза. Когда тебя влекут к разным музыкальным дорогам такие замечательные музыканты, то трудно отвергнуть чье-либо приглашение. Правда, сейчас круг этот сузился: остались композиция и орган.

— Как складывался маршрут органиста Янченко!

Янченко: После окончания консерватории я стажировался в Вене у Антона Хайлера и в голландском городе Харлеме, том самом Харлеме, где сейчас учат органной импровизации, а когда-то, в петровские времена, учили кораблестроению.

— Род органов, которые вы предпочитаете!

Янченко: Так называемые механические—инструменты, которые строи-

лись в эпоху Баха. Они рассеяны по Европе, их можно встретить в Голландии, в Финляндии; целое «гнездо» этих изумительных инструментов находится вблизи Лейпцига. И если говорить о каком-то сильнейшем художественном впечатлении в моей жизни, то помимо исполнения Вагнера в Венской опере я мог бы упомянуть именно звучание саксонских органов.

— Это впечатление художественное. А человеческое!

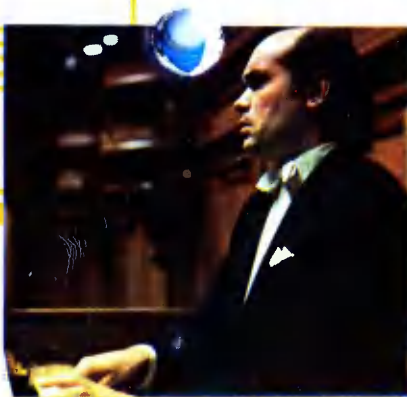
Янченко: Должно быть, работа на Кольме. Я давно слышал о красотах сибирского северо-востока и мечтал побывать там. Летом позапрошлого года я уехал рабочим в геологическую партию. Тут я впервые узнал, что такое энергия мускулов и настоящая усталость — усталость почти смертельная. Я встретился с природой вне всякого комфорта, и, быть может, эта встреча со стихиями является также и художественным впечатлением. Мне показалось, что я оказался наедине с такими явлениями природы, от которых психологически невозможно укрыться ни за какой стеной никакого дома. Иногда это было радостно, а иногда жутко. С другой стороны, именно там, где твоя пара рук не может быть заменена, острее ощущаешь свою силу и пользу. Очень мне захотелось тогда поработать над «геологической» темой, и лишь приводящее обстоятельство охладило мой пыл: я вспомнил, что в Большом театре уже шел балет «Героическая поэма» о геологах...

— Мы говорили с вами о многом, но странном образом упустили весьма существенное — начало жизни...

Янченко: Я родился в Москве, в 1938 году. Моя мама по образованию физик и много лет учительствовала в школе. Сейчас она на пенсии. Отец до войны преподавал в МВТУ. Потом он воевал, был ранен, попал в плен и прошел тяжкий путь узника фашистских концлагерей. Сейчас его уже нет в живых. Его памяти я посвятил свою симфонию-ораторию «Эройка».

Т. ДМИТРИЕВ

Фото А. Хейфица

ЗНАКОМСТВА

КОМПОЗИТОР
ОЛЕГ
ЯНЧЕНКО

«Когда мне будет сто лет». Так называлась последняя исполненная им песня. Но случилось, что колокола, возвестившие начало этого года, звонили и по восьмидесятилетнему Морису Шевалье, артисту, любимейшему эстраднему певцу Франции. Впрочем, там его редко называли певцом, а почти всегда именовали «фантэзистом», то есть антером мюзик-холла или кабаре, который поет, пародирует, танцует, рассказывает, ведет диалог с публикой, смешит ее и снова возвращается к куплетам. Всем этим сценическим оружием Шевалье владел блестяще и занимался своим ремеслом с двенадцати лет и почти до конца жизни. Окиньте мысленно время с 1900 по 1972 год. В звуковой пелене, которой окутан мчащийся земной шар, — тонкая паутинка песен. Морис Шевалье спел их тысячу. Ранние, родившиеся на заре века, с хрипом вылетали из крашеного железа граммофонных труб; поздними — можно наслаждаться, надев стереофонический шлем, подстраивая мигающие кнопки каного-нибудь магнитофонного агрегата «высокой точности». И на протяжении этих долгих десятилетий, казалось, не меркла ослепительная улыбка Шевалье, выходявшего на сцену в смокинге, соломенной шляпе-канотье, с наскладом острот на устах. Казалось, он лишь подбирает свои мелодии и репризы с парижских улиц или срывает их с антенн Эйфелевой башни.

Он был старше ее на два месяца и во многих странах считался такой же достопримечательностью Парижа, как и сама башня. Правда, что греха таить, «продукция» Мориса Шевалье была для иных чем-то вроде дорогих парижских духов, которые хорошо бы положить в сумочку вместе с помадой. Французы же ценят в его искусстве не только роскошь формы. Он был тем, кто прославил «париго» — лукавого, разбитного парня из предместья, этаного повзрослевшего Гавроша, который может по воле сказочного случая

стать однажды сотрапезником короля, но непременно вернется к приятелям, ждущим его у цинковой стойки быстро где-нибудь в Менильмонтане. Там, на окраине Парижа, Шевалье родился, вырос, знал бедность и не забыл о ней. Там он начал свой долгий труд актера, изумляющий всех дисциплиной и совестливостью. То была рассчитанная до секунд жизнь спортсмена без табака и алкоголя, с ежедневной ходьбой, массажем, меню без излишеств и работой.

Восемнадцать месяцев он обдумывал и отделял песню Ревилы «А он — в слезы!», взвешивая до мелочей каждый нюанс, смешок и ответную реакцию публики. Шевалье не пренебрегал аплодисментами, которые на профессиональном арго называл «мешком с орехами», и зорко следил за залом. Администраторам поручалось осторожно проведать, почему в шестом ряду партера шесть странных людей не хлопали...

Вся эта тщательность — вполне в традициях, в крови французского театра. Но Шевалье перенес ее в мюзик-холл еще и потому, что всегда считал себя работником, преданным идее качества изделия. Осыпанный почестями, он мечтал о звании, в котором не было бы ничего от «командорского» или «нанцлерского». «Нет, — говорил Морис Шевалье, — мне хватило бы скромного диплома с титулом мастерового Франции».

Артем ГАЛЬПЕРИН
Фото С. Раскина

Перед концертом Шевалье делил свою рабочую программу пополам. Песни, которые «вел» он сам, назывались «соломенными шляпами», ибо исполнялись в канотье. К ним относились «Марш Менильмонтан», открывающий одиннадцатую звуковую страницу журнала «Кругозор», и «Любовь», завершающая ее. Песня «Это — я» относилась к разряду «силуэтов», требовавших специального костюма и грима.

Когда мне будет сто лет

МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ЛУЧИ
ПЛАНЕТЫ

||

3(96) март 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

слушайте

В

номере

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой
странице обложки:

«Танец».
Рисунок художника
Б. Заборова
(Минск).

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Я. Гамбург
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
113266, Москва,
М-326, Пятницкая, 25

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28/1 1972 г.
В 00016 Под. к печ.
15/II 1972 г. Формат
бумаги 60×84¹/₂.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 2483. Цена 1 руб.

Ордена Ленина и
ордена Октябрьской
Революции
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

1. Голоса нашей биографии. «Быть коммунистом». Звуковой плакат. Говорят коммунисты разных поколений. Выступления М. И. Калинина, С. М. Кирова.
2. Золотая Звезда Героя. «И снова таран...» Рассказывает лётчик-истребитель Б. Новзан.
3. «Ребята с нашего завода» — Е. Птичкин, Л. Кунсо; «Песня ветеранов» — А. Экимян, В. Белов. Поют В. Макаров, В. Трошин.
4. Фольклорная экспедиция «Кругозора» в Полесье. Крестьяне деревни Клетная — о своих песнях. Запись Л. Яшиной.
5. Спортивная гимнастика у вас дома: как вырастает будущий чемпион.
6. Театр «Кругозор». Игорь Ильинский читает стихи А. Твардовского.
7. Первый оттиск. Д. Шостакович. Фрагмент финала Пятнадцатой симфонии. Исполняет Большой симфонический оркестр под управлением М. Шостаковича.
8. В творческой лаборатории. Композитор Олег Яценко.
- 9.—10. «Кабачок 33¹/₂ оборота». У нас в гостях: певица Регина Черниженко, вокальный квартет «Молодость», сестры Зайцевы и польский ансамбль «Нови». Исполняют: «Интермеццо» (музыку Е. Гришмана); певица Ю. Семеняно и О. Ставера «А мне в счастье верится»; народная белорусская песня «Чабарок»; песня А. Колкера и К. Рыжова «А мы идем в кино» и «Дуэт» Б. Кавки.
11. Музыкальные лучи планеты. Франция. Морис Шевалье.
12. Эстрада планеты. Валдемар Матушка (Чехословакия); «Пойдем со мной», «Сусанна».

На чем мы с вами в прошлый раз расстались? А вот на чем. Я вас просил не распаковывать чемоданы и быть наготове, если подвернется случай, опять куда-нибудь съездить. Вот он и подвернулся. Прошлым летом да и осенью я много раз бывал в Белоруссии. Так складывались дела. Впечатления — от самого первого до последнего — устойчиво прекрасные. В основном, конечно, от людей. Где бы с ними ни встречался: в гостинице, на киностудии, на улице, в магазине, в троллейбусе, в телецентре — везде, везде приветливые, скромные и добрые люди. А уж певцы, музыканты — просто чудо! А вкусно как кормят!.. Особенно, честно сказать, не в больших ресторанах, а в маленькой «Бульбяной», где вам предложат десятки блюд из бульбы — знаменитой белорусской картошки. Именно в такой вот «Бульбяной» я и договорился с администрацией, и мне было любезно разрешено пригласить вас на картофельные оладьи, вкуснее которых вообще нет ничего на свете. На этом я настаиваю. Но как бы они ни были восхитительны, они ни в коем случае не отвлекут наш духовный взор. Ему-то я и приготовил нечто неопишное. Только поставив на проигрыватель девятую и десятую звуковые страницы, вы в какой-то мере сможете понять степень неизменного уважения, которое испытывает и вам.

Зиновий ГЕРДТ.

● Редакция журнала «Кругозор» провела устный выпуск для журналистов радио и телевидения, рабочих завода «Красный пролетарий». Перед читателями и слушателями журнала выступили летчики В. Мирошнченко и Б. Романченко, композиторы О. Фельцман, М. Минков. Э. Ханок, поэт А. Межиров, народный артист РСФСР А. Паланов, певица М. Лукач, артисты театра «Ромен» Ивановы и другие артисты.

Кругозор

На фото:
Черниженко,
Зайцевы,
Яценко,
Матушка,
Шевалье,
Кавки,
Сусанна,
ансамбль
«Нови».

Редкая, счастливая композиторская судьба: долгими годами напряженной работы, высшими своими достижениями, ставшими страницей отечественной культуры, всей творческой жизнью Шостакович завоевал своей музыке право на живой общественный интерес к ней, к каждому новому своему произведению.

Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу исполнилось недавно 65 лет. Новая его симфония — Пятнадцатая — написана летом 1971 года и впервые исполнялась Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением Максима Шостаковича в Москве в январе этого года.

Пятнадцатая симфония не имеет сформулированной самим композитором программы. Здесь «действуют» лишь инструменты симфонического оркестра, без хора и солистов-певцов. Вновь «чистый» непрограммный симфонизм. Но в столь органичную, естественную для себя сферу высказывания Шостакович вернулся спустя восемнадцать лет уже иным, сегодняшним. Как всегда, необычайно скромным, но по-особому негромким, погруженным в своеобразное «состояние ретроспекции».

Четыре части новой симфонии при всех своих различиях кажутся выражением одного, определенного, спрессованного во времени состояния духа, обнимающего целую жизнь: от дней счастливого дерзкого самутверждения до мудрой поры проветляющей итоговости в творчестве художника.

С какой пленительной самоиронией, совсем неожиданно устремляется фантазия композитора в первой части из далекого сегодня навстречу картинкам, эпизодам, образам озорной, веселой юности, когда мир представлял еще игрушечно-забавным, звонким и иллюзорно-простым. И так понятна и уместна показалась здесь вдруг зазвучавшая в первой

Д. Д. Шостакович
и М. Д. Шостакович
на репетиции
Пятнадцатой
симфонии.

ПОСЛЕ
ПРЕМЬЕРЫ

части тема «упоительного Россини» (из «Вильгельма Телля»): симфонический знак моцартианской стихии абсолютной внутренней свободы и ослепительной талантливости.

И еще одна символическая цитата есть в этой симфонии: грозная «тема судьбы» из оперы Вагнера «Валькирия». Она открывает последнюю часть нового сочинения Шостаковича и потом возникает еще и еще раз, словно обнаруживает себя в особо значительные моменты.

В финале симфонии как бы завершается вечный «диалог» человека с самим собой и с другими людьми об истине, о смысле бытия, о разных этапах жизненного пути, о нравственном возвышении человека.

В напряженной, наступившей вдруг тишине истаивает на наших глазах музыка финала, напомнив в последний момент самую первую, флейтовую тему симфонии. После всех испытаний, потерь, могучих взлетов музыка растворилась в окружающем нас «космосе».

В Пятнадцатой симфонии много красивой музыки, глубоко впечатляющей музыки. Есть и страницы, рождающие высокое чувство скорби. Это прежде всего медленная вторая часть, особенно ее первый раздел с исповедальным монологом солирующей виолончели, к которой потом присоединяется и солирующая скрипка. Наверное, музыка второй части — одно из самых прекрасных и значительных высказываний нашего крупнейшего мастера. Удивительна правдивость «интонационной сферы» симфонии. Этой музыке вершишь в каждом ее «слове». Она живая. Возвышенная, но не отвлеченная. Точная в выражении идей и событий.

Мы будем слушать ее еще много раз и всегда будем открывать в этой многозначной, мудрой музыке что-то особенно нашей душе созвучное.

Андрей ЗОЛОТОВ

ПЯТНАДЦАТАЯ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

ВАЛЬДЕМАР МАТУШКА

12

Чехословакия

Несколько раз мне приходилось бывать на концертах Вальдемара Матушки, которые обычно проходят в самом большом концертном зале Праги — «Люцерне». Каждый концерт заканчивался одинаково: когда певец бисировал последнюю песню, зал дружно вставал, и сотни голосов подхватывали мелодию... Вот уже более десяти лет Вальдемар Матушка — один из любимых и популярных в Чехословакии эстрадных певцов.

У Матушки яркая внешность, темпераментная манера исполнения, голос, послушный артисту так же, как послушны в его руках гитара, банджо, контрабас.

Этих качеств было бы вполне достаточно, чтобы быть хорошим эстрадным певцом. Но Матушка не просто поет: он как бы «ставит» каждую свою песню, как ставит пьесу режиссер. С первых же минут концерта между певцом и зрителями устанавливается атмосфера доверия и взаимопонимания.

«Не знаю, откуда берется в человеке это беспокойство, это чувство, мешающее ему сидеть на месте, заставляющее быть вечно недовольным собой... Нет, я просто не могу оставаться на месте. Решительно не могу», — говорит Матушка в одной из своих песен. Эти слова в какой-то степени автобиографичны.

Его трудовая жизнь началась на заводе «Мозер» в Карловых Варах, среди людей, чьими руками создаются знаменитые на весь мир изделия из чешского стекла. После службы в армии Матушка поступил по конкурсу в хор Государственного ансамбля песни и танца Чехословакии. Пять лет работы в этом коллективе стали хорошей школой для певца. Отсюда он вынес и любовь к народной песне. Чешские, словацкие, русские — они сегодня занимают прочное место в его репертуаре...

Способности Матушки — певца и актера — по-настоящему раскрылись на сцене двух популярных в Праге театров «малых форм» — «Семафора» и «Рококо».

С труппой «Рококо» он был осенью 1966 года на гастролях в Москве и Ленинграде. С тех пор у певца много поклонников в нашей стране.

Цена 1 руб.

Р. ХРИПУНОВА